

АРКАДИЯ • ПЕРЕКРЕСТКИ

ПОЛ МАКВЕЙ

ХОРОШИЙ
СЫН

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
М15

Paul McVeigh
THE GOOD SON

Перевела с английского
Александра Глебовская

Художник
Светлана Ихсанова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Издательство выражает благодарность
литературным агентствам *Conville & Walsh Ltd.*
и *Synopsis Literary Agency*
за содействие в приобретении прав

Настоящее издание выходит при поддержке *Literature Ireland*
(Фонда поддержки ирландской литературы)

Маквей П.

М15 Хороший сын : [роман] / Пол Маквей; [пер. с англ.
А. Глебовской] — СПб. : Аркадия, 2018. — 256 с. —
(Серия «Перекрестки»).

ISBN 978-5-906986-26-9

Микки Доннелли — толковый мальчишка, но в районе Бел-фаста, где он живет, это не приветствуется. У него есть собака по кличке Киллер, он влюблен в соседскую девочку и обожает мать. Мечта Микки — скопить денег и вместе с мамой и младшей сестренкой уехать в Америку, подальше от изверга-отца. Но как это осуществить? Иногда, чтобы стать хорошим сыном, приходится совершать дурные поступки.

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Paul McVeigh, 2015
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление
ООО «Издательство Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-26-9

Моей Ма

1

На свет я появился в тот самый день, когда началась Заваруха.

— Верно, Ма? — спрашиваю.

— Так она с тебя и началась, сынок, — откликается мама, и мы все смеемся, кроме нашего Пэдди. Он прыщавый и вообще урод. С такой рожей явно будет не до веселья. Я его даже едва не пожалел. У Пэдди на шее замечаю здоровенный непотребный засос. Шикарный компромат — будет чем отразить следующий его наскок!

В нос заползает приторный цветочный запах моещего средства и смешивается со сладким вкусом хлопьев во рту — мимо проходит Ма с оцинкованным ведром и шваброй. Раз Ма решила мыть двор — значит, что-то не так. Наверное, с Папаней снова беда.

— Мамуля, тебе помочь? — спрашиваю.

— Не, сынок, — отвечает она и скрывается за входной дверью.

На меня даже не взглянула. А мне за нее тревожно после вчерашнего.

— Маму-уля, тебе памо-очь? — передразнивает Пэдди писклявым голосом. — Подлиза мелкая.

— Я маме скажу, — предупреждаю я его.

— Я мамичке скажу-у... — тянет Пэдди.

Я смотрю на Мелкую Мэгги и сигналию глазами: «Не выношу этого гада, а ты?» Она отвечает так же: «Ненавижу эту жирную свинью!» Разговаривать взглядами меня научил один монах на Пещерной горе. Я тренировался, как настоящий Джедай, только вместо Светового Меча у меня было собственное лицо. И я стал прямо Люком Скайуокером. Миссия: защищать всех слабых и мелких членов семей от страшного зла — старших братьев. А теперь наша Мелкая учится у меня телепатии.

Чтобы проверить, как она усвоила урок, я посылаю ей мысль: «Ладно, не парься, его сейчас собьет машина, а потом грузовик расплющит ему башку и глаза вылезут наружу». Мелкая Мэгги фыркает. Мысль поймала. Я вообще считаю, что мы с ней — близнецы, родившиеся с разницей в несколько лет в результате важного генетического суперэксперимента, который проводило ЦРУ.

Пэдди встает, оставив грязную тарелку на столе, как будто он король Фарух.

— Не смей эту гадость маме оставлять! — требую я.

— Маменькин сынок! — огрызается он.

— Заткнись, ты, — говорю. — У меня, по крайней мере, нет засоса на шее.

Мелкая Мэгги хихикает и давится, хлопья вылетают у нее изо рта прямо Пэдди на джемпер — совсем как у той девчонки из фильма «Изгоняющий дьявола», который я видел в молодежном клубе имени Папы Иоанна-Павла II.

— Это все из-за тебя, придурок недоделанный! — И Пэдди отвешивает мне подзатыльник.

Я пытаюсь его лягнуть, но попадаю по ножке стола.

Пэдди ржет, отряхивая джемпер.

— А еще говорят, ты у нас умный. В гимназию он пойдет! Ой, держите меня!

— Уж поумнее тебя, тупицы, — говорю. — Кстати,

твоей подружке нравится, что ли, сосать прыщи у тебя на шее?

Пэдди прыгает на меня и пытается повалить вместе со стулом.

— Мамуля! — ору я в сторону заднего двора.

— Чего! — орет мама в ответ.

От ее голоса наш дом дрожит, как при бомбежке, и Пэдди сразу отпускает меня. Даже Мохаммед Али крепко подумает, стоит ли связываться с нашей мамой.

— Нет, ничего! — кричу я.

Пэдди хватает со спинки стула свой блейзер и вылетает из комнаты. Я поднимаю брови и улыбаюсь Мэгги.

— Победа за мной! — И демонически хохочу, как Граф из «Улицы Сезам».

На мамином кухонном столе черт знает что творится. Я подскакиваю к раковине, хватаю мокрую тряпку и живо несусь назад, пока Ма не вошла и кого-нибудь не прибила. Кого-нибудь значит, меня. Хоть я и считаюсь в семье хорошим сыном, но если Мелкая Мэгги чего набедокурит, попадает обычно мне, потому как она младшая, а мне велено за ней присматривать. Если Мэгги, например, меня подожжет, мама все равно мне же и открутит голову за то, что я подпустил сестру к спичкам.

Вытирая стол, вижу в матовом стекле свое отражение. В нем я очень похож на маленького негритенка — мы для таких собираем посылки в школе. Я им обычно отправляю молочную рисовую кашу. Консервные банки с этой кашей нам выдают бесплатно в социальном центре, потому что мы — бедные, и присылают их из особого места, которое называется «Съедобная гора» — она вся состоит из банок с рисовой кашей и говяжьей тушенкой. Она, наверное, где-то в Швейцарии.

Я когда-нибудь стану президентом Ирландии. Я буду ужасно хорошим и добрым президентом. Всех голодающих маленьких негрят перевезу в Белфаст, где

беднякам бесплатно раздают еду, и здесь они смогут жить в новых домах — вроде тех, которые сейчас строят в конце нашей улицы.

Негров я вообще-то видел только по телевизору. Кроме тех, которые голодают в Африке, есть и другие, которых насильно увезли в Америку и сделали там рабами — это, конечно, было не очень красиво, но там им, по крайней мере, дали хоть какую-то одежду. По Америке ходить голышом не разрешается. По Белфасту тоже. Ну, разве что в районе у протестантов. Протестантов я тоже видел только по телевизору.

— Микки, ну хватит ворон считать! — Мэгги тянет меня за рукав. — В школу опоздаешь.

Я швыряю тряпку в раковину и бегу через гостиную вверх. К себе в комнату пробираюсь на цыпочках, чтобы не разбудить Папаню. Ма все-таки его впустила, когда он пришел среди ночи и начал колотить в дверь. Он привел с собой каких-то чужих дядек. Я стоял на верхней площадке и все слышал. Я рассказал Пэдди, что они говорили про какие-то деньги, а еще, что Папаня плакал. Дядьки пообещали, что сегодня придут снова.

Пэдди думал, что на этот раз Папаня уже не вернется. Думал он! Когда Пэдди пытается думать, ничего путного у него не выходит. А Папаня все равно каждый раз возвращается.

Хватаю портфель, бегу вниз, обратно на кухню.

— Ма, я пошел! — кричу во двор.

— Умыться не забыл? — откликается она.

— Не!

Смотрю от двери на Мэгги, делаю вид, что ковыряю пальцем в носу и вытираю соплю о джемпер. Она смеется в ладошку. Ей кажется, я вроде этих, из телевизора. Вроде «Лорела и Харди» или «Эббота и Костелло». Мы в них иногда играем. Мэгги говорит: нечестно, что мы никогда не играем в смешных девчонок,

а я ей на это — не я же виноват, что смешных девчонок не бывает. Если бы бывали, их бы показывали по телевизору, верно?

Показываю, что вскакиваю на коня и мчусь вперед, огибаю стол и стул, проскальзываю в полуоткрытую дверь гостиной, объезжаю Папанин стул, потом диван.

— Чем-пи-он, вол-шеб-ный конь! — пою, отдавая салют телевизору. Галопом — через входную дверь. Мэгги бежит следом.

— Только на улице так не делай, Микки! — просит она.

Можно подумать, это ей велено за мной присматривать.

— Я ж не дурак, — говорю. — Давай дуй обратно. И заталкиваю ее назад в гостиную.

Пустырь перед нашим домом превращается в бескрайнюю прерию, а древние полуразвалившиеся домишки справа — в заброшенный город времен золотой лихорадки, где-то на Диком Западе.

Чемпион уносит меня в сторону заката.

— И который, мистер Доннелли, по-вашему, час? — спрашивает мистер Макманус.

Я стою в дверях, разглядывая носки ботинок.

— Извините, сэр.

Смешной он тип, наш мистер Макманус, — ругает меня за опоздание, но я-то знаю, что ему наплевать, я же телепат. Очень мои способности помогают, когда надо узнать, что человек взаправду думает, а что нет. Сейчас мистер Макманус только понарошку сердится, а я делаю вид, что мне стыдно.

— Иди садись, Доннелли, — говорит мистер Макманус и снова утыкается в книжку.

— Ну, чего тут происходит, Пердун? — спрашиваю, втискиваясь за парту.

— Да обычная хрень, — отвечает.

— Ну, раз уж мы все наконец собрались, — мистер Макманус бросает на меня косой взгляд, — давайте проведем небольшой конкурс. Напишите сочинение длиной в страницу на свободную тему. Победителя ждет приз. Ну а кто не хочет участвовать — просто тихо посидите.

Все стонут. Основную программу мы сто лет как прошли, теперь только и делаем, что поем и читаем всякие истории, и всех это достало. Меня, правда, нет. Я люблю песни и истории. Так что я напишу свое сочинение. Надо, чтобы Крутые Парни его не увидели — они с удовольствием грохнут меня, потому что я умный, но не крутой. Слава нашему Господу, Пресвятой Богородице и Младенцу Христу, у меня есть друг Мартин, Мартун-Пердун. Пердун — классный парень и тоже крутой, но он не из них. Не будь его, меня бы уже раз семнадцать прикончили.

МОЙ ПЕС КИЛЛЕР

*Мой Киллер — он отличный пес,
Это вовсе не вопрос.
Когда я вожу его гулять,
Он и не думает сбежать,
Он все команды выполняет
И ни на кого никогда не лает.
Ну да, он не учился в школе,
Но оттого глупее, что ли?
А если он к нам в класс придет,
То, спорим, сразу сдаст зачет.
Он ночью лает иногда —
Его пугает темнота,
На папин стул он любит влезть,
Потом там остается шерсть,
А маму это очень злит,
Она зовет его «бандит».*

Не лучшее из моих стихотворений, но это я так, развлекаюсь. Интересно, а в стихах можно писать неправду? Они сдохнут от зависти, если решат, что у меня есть собака.

— Ну, участники конкурса, закончили? — спрашивает учитель.

— Да, сэр.

Все фыркают и тарашатся на меня и еще на двух умников, которые откликнулись. Я вечно что-нибудь такое выпаливаю. А чего бы, казалось, не придержать язык, пока я не выберусь из этой школы и не перейду в гимназию Святого Малахии?

— Кто читает первым? — спрашивает мистер Макманус.

— Я, сэр! — вызывается Прыщ.

Все переглядываются, усмеваются. Ладно, хоть от меня отцепятся. На Прыща можно положиться. Он всегда первый. Первым поднимает руку, первым вызывается что-то сделать, первым получает по башке. Впрочем, на экзаменах я его сделал, потому как в классе я иногда нарочно отвечаю неправильно, а там не стал.

Прыщ откашливается и читает каким-то загробным голосом, прямо как у пришельца. Про горы, море и чего-то там про красоту. Можно подумать, кого-то в Ардойне все это колышет. Мог бы за столько-то лет и усвоить, что есть вещи, про которые при Крутых Парнях лучше помалкивать.

«Крутые Парни»: в главных ролях — Близнец Макколи-Козявка и Близнец Макколи-Громила, в остальных ролях Шлюхован и Павиан Макерлан. Фильм про отстойных придурков: как они плохо учатся и выносят мозг всем, у кого он есть. Скоро на ваших экранах.

Близнец-Козявка тарашится на меня и жует соломинку — нам такие выдают в придачу к бутылкам

с молоком. Спер откуда-то, потому что молока пока не давали. С него станется. Его здоровый глаз так и прожигает меня насквозь. Другой — направлен на макет замка Каррикфергюс. Кривой глаз проследил за пулей, которая оцарапала его лицо, да так и не вернулся на место. Будь я этим глазом, тоже бы не стал возвращаться. Чтоб не видеть в зеркале свою рожу.

— Благодарю, мистер Кэмпбелл, вижу, что вы постарались, и получилось неплохо, — говорит Сэр. — Ну, кто следующий? Мистер Клоуз?

Краткая справка: Шон Клоуз, он же Шлем-Башка, взят под наблюдение, переехал на мою улицу месяц назад, из богатеньких — значит, наверняка двойной агент протестантов, потому как где вы видели богатого католика; друзей нет, любит выпендриваться. Вывод: последняя сволочь.

К Шлему не суются, потому что в первый его день в школе кто-то попытался ему накостылять и получил в ответ по физии приемом карате. Это крайне подозрительно. Шпион-протестант, владеющий кунг-фу? От них можно всего ожидать!

— Мой рассказ называется «Шмель по имени Монти», — произносит Шлем-Башка. Я фыркаю громче всех. — Монти родился в Суррее и работал летчиком на «Спитфайрах». Он был близоруким шмелем и носил очень большие очки...

Бубнит дальше, но я не слышу. Мне уже и так ясно, что рассказ выйдет суперским. Про некоторые вещи все понятно с самого начала. Если бы он читал домашнее задание, я бы сказал, что ему помог его богатенький папашка. Мало того что он вперся в новый дом, рядом с нашим, и в мой класс, он еще хочет впереться на мою территорию. Это мне здесь положено писать супер-рассказы.

Я бы до такого сюжета никогда не додумался. Никогда. Вот разве что учился бы не в Ардойне, а там, где чему-то учат. Ладно, после лета я все равно отсюда отваливаю. Гимназия Святого Малахии, привет! Уж там-то я научусь писать супер-рассказы ничуть не хуже этого козла.

Но сегодня он, похоже, возьмет надо мной верх. А этого я допустить не могу. Ни фига у него не выйдет!

Запихиваю тетрадку сзади в штаны и встаю.

— Сэр, можно выйти?

— Прерывать человека невежливо, мистер Доннелли, — сообщает мне Сэр.

— Очень надо. — И хватаюсь за ширинку, мол, прямо сейчас описаюсь. Как будто давно уже невтерпеж. Как типа «Ох, совсем невмочь. Боженька, сейчас помру». Да ладно, я просто придуриваюсь. Хотя даже сам себе поверил, а это уже неплохо. Молодец я. Может, стану актером, когда вырасту?

Сэр указывает мне на дверь жестом скучающего короля. В коридоре все двери классов открыты, и учителя косятся в мою сторону, когда я несусь мимо. У двери миссис О'Халлоран я притормаживаю и всовываю голову в ее класс. У нас с ней есть своя общая тайна. Она поднимает глаза, улыбается.

— Кого я вижу, Майкл Доннелли! Ну-ка, дружок, зайди на минутку, — воркует она, точно голубка.

Я влюблен в миссис О'Халлоран. Она только мне доверяла относить ее бумаги мистеру Макдермоту. Называла меня «Булочкой с изюмом». И еще Котенком. Говорила, что я не как все. Не как другие мальчишки. В последний день учебы в ее классе я купил ей бусы. За целых пятьдесят пенсов. На них висело золотое сердечко, а на нем сзади было написано: «Люблю тебя».

— Вот, ребята, посмотрите на мистера Майкла Доннелли, — говорит она, положив мне руку на плечо, а у меня мурашки так и бегут по коже. — Он один из...